

Уманское утро

Поезд из Киева в Умань шел полночи. Полночи, пропитанной запахом грязных носок и портянок, храпом и сивухой. Утром интеллигенты чистили в поездном сортире зубы, стараясь не глядеть на заблеванный унитаз. Вентиляция была только в тамбуре вагона, и то при открытой двери, так что на поворотах меня обдавало дымом и сажей. Я ехал в Умань заделывать в местном театре пять цирковых представлений. И хотя я был не администратором, а рядовым акробатом (работал номер "акробаты-эксцентрики"), директор сказал мне: "Хочешь жрать, езжай в Умань и делай концерты". Он сунул мне рулон афиш. Я расписался за пачки билетов, получив несколько рублей. Отбыл на вокзал. Когда я сел в поезд, то обнаружил, что денег хватило только на билет, и то сидячий, так что я простоял в тамбуре всю дорогу.

По-прежнему уважая голодный желудок грушами, я ходил по городу, размышляя, где кинуть уставшие кости.

Неподалеку от знаменитого парка наблюдалось столпотворение, шум и передвижение всяческих агрегатов. Это была киносъемка. И когда я узнал от мальчишек, что киношники из Одессы, сразу двинул к ним, потому что нет двух одесситов, которые не знали бы друг друга, или хотя бы общих знакомств не было бы.

И действительно, в толпе снующих людей — операторов, рабочих и прочей киношной братии — мелькнула знакомая фигура.

С этим парнем я незадолго до описываемых событий кочегарил на одесской киновухе, так называют старые одесситы киностудию. Он был сухопарый, высокого роста, фигурой похож на павиана. Из всей своей сознательной жизни большую часть он провел по тюрьмам и зонам. Это была колоритная фигура: грудь порезана крест-накрест, нога порезана при попытке к бегству, зубы выбиты сержантским сапогом. Когда он валялся раненный, сержант от злости, что не добил зека, двинул его сапогом по лицу, оставив на всю жизнь мучиться протезами. Хотя его лагерная кликуха была Пантера, я прозвал его Бесхвостый Павиан. Потому что у него была какая-то плоская фигура, без задницы.

В кочегарке, где мы сдружились, он учил меня лагерным песням и особому блатному бою на гитаре. Например: вешал на шею кучу ниток с привязанными иголками, иголки касались струн и пронзительно дребезжали, когда он пятаком вместо медиатора отбивал по струнам ритм.

Я, в свою очередь, показывал ему аккорды и корректировал их последовательность.

Звали его Виля.

Мы очень сдружились с ним. Виля намного старше меня, познал всю несправедливость и жестокость, голод и холод лагерных зон, и поэтому особенно ценил радости жизни. К одной из этих радостей он приобщил меня. Однажды Пантера пришел в кочегарку, и когда мы сели пообедать, достал несколько плиток шоколада. Я очень удивился. Обычно он вынимал из кармана чекушку или, в лучшем случае, пол-литра. Иногда к нашей немудреной закуске он приносил котлеты. Потом, когда мы закусывали, признавался, что по старой лагерной привычке не прошел мимо задушенного машиной пса. Ободрав, перемолов на машинке, сделал отменные котлеты.

После этого мы осторожно принимали его приношения, долго обнюхивая и расспрашивая, откуда. Шоколад страшно нас удивил, и я подумал, что неспроста он так разорился. Виля достал из кармана кусочек чего-то, завернутый в грязный газетный лоскут, и, положив его на ладонь, широкую, как лопата, осторожно развернул. На грязной газетной бумаге лежал кусочек чего-то, похожего на грязно-зеленую глину. Он осторожно поднял ладонь к хищным ноздрям и глубоко с наслаждением втянул запах в раздувшиеся ноздри, а затем поднес поочередно к нашим носам. Пахло землей и конским навозом. Потом, вынув папиросу, выдул из нее табак. Отломив кусочек вещества, положив в табак, долго перемешивал и мял смесь, и приставив мундштук к желтому ногтю, припрессовал смесь в папиросу, превратив беломорку в обычную папиросу. Обмочив кончиком языка края спички, зажег ее, поднес к папиросе и с наслаждением затянул. Он затягивался не как обычно, а как пылесос, втягивая дым в самые заветные уголки легких. Зрачки его расширились, он прищурился и протянул мне папиросу. Я сделал то же самое. Он одобрительно кивнул и протянул моему товарищу и напарнику по смене. Тот отрицательно покачал головой.

Потом он разломал плитку шоколада и протянул кусок мне. Моему товарищу он отказал, заявив, что шоколад кушает тот, кто курит. Потом я лежал на нарах, в глазах мелькали желто-красные полотнища, в ушах звучала торжественная музыка, во рту было сладко, внутри что-то приятно. Через некоторое время все прошло. Голова была пуста, тело ощущало легкую слабость. Я пристрастился с Вилькиной легкой руки к этой глине, которую воры называли "план", а обычные фраера — "анаша".

Мы встретились. Виля был мне рад не меньше, чем я ему. Представив меня всей съёмочной группе, он отпросился у режиссера и отвел меня на квартиру, где уложил в постель, предварительно скормив 300 грамм водки и кусок сала.

Я проснулся в следующее утро, сияющее желтизной и зеленью.

Мы с Вилей выпили по кружке крутого обрата и отправились на вокзал встречать труппу.

Виля был уже не просто Виля, а главный квартирмейстер киевского цирка. Он галантно встречал на перроне артистов и развозил их по квартирам, снимая с каждого мзду и массу комплиментов. Вечером мы собрались у Вили на квартире. Мы — это мой постоянный партнер по номеру Женя Еремин, лилипут Боря и коллега по программе Рудик Муллер.

О них, о каждом, отдельно.

Начну с Рудика. Знакомство наше началось со звонка в мамину квартиру, где он объявился с таким видом, как будто проживал там всю жизнь и всех знал поименно. Был в зеленых брюках. Брюки были женские. Дело в том, что в те годы женщины только начали носить брюки, и у них был особый покрой. В тазу — широко, в щиколотках — узко. Поэтому вид у Рудика был экзотичный. Плюс великолепная черная шевелюра и сросшиеся у переносицы брови. Он зашел ко мне в комнату, обнял меня, заявив, что только что из Москвы, из ГУЦИ, передал привет от знакомых студентов, и на мой вопрос "Что ты работаешь?", став в стойку на две руки, потихоньку перешел на одну. Мне этой рекомендации было достаточно.

Остановился Рудик у тети Доры, которую знала все Тираспольская площадь. Она торговала пирожками с бутером на трамвайной остановке 15 номера. Ей сначала понравилось, что ее двоюродный племянник — артист из Москвы, как она говорила всем соседям и знакомым. Потом, по прошествии некоторого времени, Дора увидела, что племянник ничего не собирается делать, а только стоит на руках и поедает огромное количество пирожков, приготовленных на продажу. Она переменяла тон и стала гнать бедолагу на улицу. Он частенько ночевал у меня. Характера Рудик был благодушного, все невзгоды переносил безропотно. Часто стирал свои зеленые штаны и кофту, которые тетя Дора подарила ему по приезду в Одессу.

За бутылку Рудик сходил на руках по Потемкинской лестнице, собирая толпы любопытных бездельников, которых в Одессе было пруд пруди. Или на перилах балкона, где-нибудь на четвертом или шестом этаже выжимал стойку на руках, вызывая вокруг охи слабонервных дворничек. За ним охотился военкомат, пора было на военную службу, но свободолою-

бивый Рудик говорил: "Я от мамы ушел, я от папы ушел, я от Доры ушел, и от армии уйду".

Обменяв Дорины часы на реквизит у одного незадачливого эквилибриста и пообещав Доре за эти часы золотые горы, он поехал работать в мою программу, номер "эквилибр".

Впоследствии его все-таки военкомат разыскал и отправил служить в пехоту, где свободолюбивый Рудик Муллер повесился.

На следующий день, в зелено-желтое изумительное уманское утро, вся вышеперечисленная компания во главе с длинным сухопарым Вилей топала по направлению к знаменитому парку Софиевке, чтоб выпить, как говорил мой любимый Бабель, рюмку водки и дать кому-нибудь по морде... За Вилькой, с авоськой, полной бутылок и немудреной закуси, весело ухмыляясь, шел Рудик, я с партнером, который нес лилипута Борьку на плечах. Был Борька настолько мал и коротконог, что не мог одолеть несколько кварталов. Одет он был в детский матросский костюм и сидел на плечах у моего партнера Жени Еремина, как на породистой лошади, время от времени прикладываясь к бутылке пива и вызывая недоумение и недовольство прохожих.

Когда мы заходили в магазин, Женя ставил его на прилавок, и Борька громко требовал водки, протягивая деньги. Любимое занятие лилипута было забраться под юбку проходящей молодки и хватать ее за непотребные места. Ошарашенная женщина вытаскивала его из-под юбки, крича: "Мальчик, что тебе надо?!" — на что хам Борька громко заявлял, что ему надо. За это Борька частенько попадал в участок, и когда в продолжительной беседе участковый узнавал, что Борька лишен сексуальных радостей и делает это от обиды и злости, как правило, отпускал его восвояси, предвительно попугав тюрьмой.

...Как-то, приехав в Одессу в очередной ВП (вынужденный простой), я очутился в школе, в восьмом классе. Сестра моего друга, попеняв мне за безделье и неграмотность, предложила пойти учиться. Меня как великовозрастного приняли в восьмой, а потом перевели в девятый класс. Это случилось в тот год, когда объединили женские школы с мужскими. Причем если младшие классы половинились особами обоих полов, то в старших так не получалось. И я оказался в женском классе единственным мужчиной. Девочки таинственно перешептывались и перемалчивались, поглядывая на меня. Учителя охлаждали их пыл, частенько покрывая

и конфузя их. Я, откровенно, чувствовал себя не в своей тарелке, и поэтому обрадовался, когда появился новый ученик — мальчик, с которым я сразу подружился, хотя он был несколько младше меня.

На новогодние праздники классная руководительница попросила меня принять участие в самодеятельности класса, и Женя впервые увидел акробатику, гимнастику в моем исполнении и увлекся цирком на всю жизнь. Он ходил вместе со мной на репетиции и в скором времени превзошел меня. Маленький, коренастый, ловкий, как кошка, он вскоре превратился в прекрасного акробата и стал моим постоянным партнером. Я получил приглашение на летние гастроли, и мы с ним выехали в Киев.

Там нас присмотрела худкомиссия, и председатель, старый цирковой артист — буффонарный клоун Таити, которого все артисты любовно называли Тин Тинич, погладил Женю по густой шевелюре, благословив его на всю акробатическую жизнь.

Еремин стал прекраснейшим артистом и долгое время работал со мной. Потом, как бывает в цирке, мы женились и разошлись. Не все у него удачно складывалось. Умер первый ребенок, не везло с партнерами. Он стал прикладываться к бутылке. Потом я узнал, что, бросив все, Женя уехал в Иркутскую область, где работал в лесу смолокуром. Его нашли при очередном обходе с ножом в спине. Борька лилипут, его неизменный соратник по хохмам и подначкам, тоже вскоре спился и уехал в свою деревню, где сгорел от самогона...

А пока мы, чуть пьяненькие и веселые, смеясь, тащили на плечах Борьку и шли в Софиевский парк на пикник.

Вот он, пикник со слезами на глазах. Сначала Вилька вытащил кусок мускатного ореха и с загадочным видом разминал его между пальцами, заряжал в беломорину. Потом мы, выпив прилично, всасывали эту гадость в легкие. В голове немного помутилось, и Вилька взял гитару. "А не кури, голова плановая, а не кури, не кури корешок. А дома плачут, нотации читают, а на кого стал похожий мой сынок", — уныло завывал Вилька, елозя пятаком по струнам. Голова кружилась, Рудик молча глупо улыбался, а лилипут Борька колотил кудлатого Женьку жестяной кружкой по голове. Волшебное место, которое мы выбрали для пирушки, стало напоминать мне выгребную яму. Все вокруг приняло серый дальтонический вид. На душе стало муторно. И только одна мысль крутилась в голове: как я вечером буду работать концерт в таком состоянии? Я оставил компанию и побрел к ближайшему пруду. Раздевшись, вошел в прохладную воду.

Я вырос возле моря и всегда искал душевного, да и физического спокойствия у воды. И хотя это было не море, я все-таки немного пришел в себя и вылез из воды на берег. Оглядываясь и не видя никого, я снял трусы и стал выжимать их. Ветерок ласково обвевал тело прохладной струей, а солнце пригревало мою уставшую душу.

Вдруг я почувствовал чей-то взгляд. Круто обернувшись, я увидел девочку, которая с откровенным любопытством тупо глядела на меня. "Что уставилась? — крикнул я. — Голых мужиков не видела?" — "Видела, — с ухмылкой ответила она. — Только вот такого красавца впервые".

Я быстро натянул одежду и вылез на обрыв, где она стояла. Пьяная мать не совсем улеглась. И я, бесцеремонно обняв ее за плечи, хрипло спросил: "Что ты тут делаешь?" — "А, яблок пришла нарвать бабке", — ответила она, доверчиво не отстраняясь от меня. "Идем, помогу", — вызвался я, и мы пошли вдоль обрыва к яблоням, росшим недалеко от пруда. Я трусил ветки, а она собирала плоды в холщовую торбу. Потом, обнявшись, мы побрели в яблоневою рощу. Мы ни о чем не говорили, просто шли, прижавшись друг к другу. Я ощущал под легким ситцевым платьем упругое доверчивое девичье тело. Краски лета ярко били в глаза. Она не сопротивлялась моим объятиям, поминутно взглядывая в мои глаза. Блаженство охватило меня. Ноги вдруг ослабли, и я присел на траву, увлекая ее за собой. Она положила голову мне на плечо и, вынув большое зеленое яблоко, протянула мне.

Вдруг за спиной раздался сдавленный смешок. Мы обернулись. Сзади стоял Рудик и, похотливо улыбаясь, заявил: "Дашь нам двоим". Мы быстро поднялись и пошли в сторону города. Все очарование случайной встречи, близости, померкло. За нами плелась вся компания, похотливо похотывавая. Мне стало омерзительно, и я, крикнув им, чтобы они оставили ее в покое, повернулся и пошел обратно к пруду, к воде. Она побежала за мной, что-то бормоча и хватая меня за руки.

Мы сели на краю обрыва, а рядом примостился Рудик, глупо ухмыляясь. Он ей говорил: "Дам полтинник, если дашь двоим". Она зажала уши руками. Я опять поднялся и пошел в сторону. И в это время Рудик, разозлившись на несговорчивость девчонки, схватил ее за руку и швырнул с обрыва в реку. Обрыв был невысокий. И она, скатившись боком, плюхнулась, как узел тряпок, в пруд. Там было мелко (вода доходила до пояса), она села на дно и тихо заплакала, вытирая лицо голыми по локоть руками. Волосы распластались и закрыли ей лицо. Она плакала тихо, подвывая и что-то бормоча. А когда лилипут Борька со злобным смешком

подскочил и высыпал сверху яблоки из торбы ей на голову, она сначала оцепенела, а потом вдруг громко зарыдала. Туман застлал мне глаза кровавым маревом, я кинулся на Рудика. Он смотрел на меня с недоуменной улыбкой. Я ударил его кулаком по лицу. Потом еще. Кто-то сзади обхватил меня за руки, и град ударов обрушился на меня. Даже лилипут, подсакивая, пытался пнуть меня ногой.

Когда я очнулся, не было ни девочки, ни компании. Я смыл в пруду кровь с лица, и опять вода успокоила меня. Потом пошел на вокзал, сел в одесский поезд и уехал домой.

